

ределенный стаж научной или практической работы, принципиальность, способность творчески анализировать, объективность и другие качества. «Идеальный эксперт должен обладать такими качествами, как интуиция, креативность, всесторонность¹. Однако до сих пор остается спорным вопрос об определении понятия «компетентность эксперта» и о способах ее оценки. Ряд авторов стремится определить содержание данного понятия через тесную связь с конкретной узкой областью знаний², другие толкуют его более расширенно, включая сюда общий кругозор, эрудированность³. В любом случае использование экспертов в качестве своеобразных арбитров основано на предположении наличия у них гипотетических представлений о возможных путях решения различных проблем, интуитивных догадок об инвариантах развития какого-либо явления или процесса. К тому же утвердились принципы, которыми должен руководствоваться эксперт и в достаточной мере обладать ими в процессе «производства» рациональных идей: обладать исходной информацией для глубокого анализа проблемной ситуации и принятия целесообразной программы действий; соблюдать строгую последовательность оценок при поступлении дополнительной информации.

Экспертный опрос позволяет получить определенную совокупность мнений экспертов по обсуждаемой проблеме. Эти мнения вполне могут служить основой для построения картины будущего. Однако следует учитывать, что наличие разнообразных мнений по обсуждаемому вопросу само по себе еще не дает исчерпывающего ответа. Отличительная особенность метода опроса экспертов, характерная его черта, состоит в том, что групповая оценка явления, события или процесса часто предусматривает неоднократные повторные туры опросов, целью которых является выбор самого оптимального, наиболее точного варианта решения проблемы, разработки прогноза (т. е. сумма оценок экспертов на первом туре не является конечной, а часто даже ей не равнозначна).

Научно-исследовательское начало и комплексный характер прогнозирования должны быть основой эвристической деятельности экспертов. Важно учитывать и требование надежности (устойчивость результатов экспертных оценок по сравнению с другими методами) и достоверности прогноза. Для повышения достоверности прогноза предлагается соблюдение таких требований, как точный и полный сбор информации об объекте прогноза; постановка адекватных целей и задач прогноза; теоретический анализ объекта прогноза как целостной системы; выделение показателей прогностического фона; учет новых факторов, признаков объекта прогноза; учет изменения условий прогностического фона; определение возможных способов верификации прогностических данных.

Для более полного использования метода экспертных оценок в социологическом прогнозировании необходимо стимулировать дальнейшее его развитие, а также найти единые основы использования специалистов в качестве экспертов.

¹ См.: Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Экспертные оценки. М., 1973.

² См.: Маслин А. А. // Социальное прогнозирование. М., 1975.

³ См.: Александров В. А. Прогнозирование и управление нововведениями. Мн., 1988.

ЦЗЯН Е (КНР), Л. В. СТАРОВОЙТОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНДИФФЕРЕНТИЗМ

Политическая индифферентность — явление столь же давнее, как и сама политика. Еще Перикл, которому история приписывает роль основателя афинской демократии, столкнулся с нежеланием некоторых граждан посещать народные собрания и пользоваться политическими правами. В современных условиях политическая индифферентность становится явлением массовым даже в странах с устойчивыми и длительно существующими демократическими режимами. Под политическим

индифферентизмом понимают равнодушие, безразличие к политике, нежелание принимать участие в политической жизни. Зримо проявляется политический индифферентизм в абсентеизме, т. е. в уклонении избирателей от участия в голосовании, но может принимать другие, менее явные формы.

Отношение к политической индифферентности граждан в различных политико-идеологических течениях и режимах неодинаковое. *Радикализм* как левый, так и правый осуждает индифферентизм, требуя от личности четкой политической самоидентификации. Эта традиция ведет свою линию от якобинцев. Сен-Жюст, бросая знаменитый клич «Свобода должна победить какой угодно ценой», потребовал карать не только всех сторонников старого режима, но и всех равнодушных. От своих же последователей радикалы требуют ревностного служения идее, политической активности и нетерпимости к политическим противникам. Так, в период якобинской диктатуры был принят закон о подозрительных, по которому карались даже «подозреваемые в подозрительности», ибо подозрительными являются «все те, кто своими действиями, отношениями, речами, сочинениями и, короче говоря, чем бы то ни было навлекают на себя подозрение»¹.

Либерализм не столь нетерпим к политическому индифферентизму. Либерализм признает свободу мнения как неотчуждаемое право человека, для него характерен дух терпимости и компромисса. Согласно либерализму, любой принцип, возведенный в абсолют, исключает свободу. Судьба индивидуальной свободы связана не с реализацией какого-либо заранее заданного принципа, пусть самого демократического и справедливого, а с возможностью хотя бы частично уклониться от него. Обладая политическими правами, гражданин не обязан пользоваться ими, будучи существом разумным, он сам способен регулировать весь уклад жизни, в том числе и свое политическое поведение. «Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм», — утверждал Дж. Ст. Милль². Плюрализм мнений и политических позиций естествен и необходим так же, как и аполитичность.

Консерватизм еще более терпим к политическому индифферентизму и заинтересован в нем. Консерваторы настойчиво отвергают примат политики и идеологии в жизни общества и личности, ибо основные человеческие проблемы находятся в повседневной жизни. Консерваторы решительно не согласны с утверждением, что не существует онтологии, которая не была бы политикой. Более того, политизация человека рассматривается ими как одна из опасностей, которая появилась еще в Новое время и превратилась в серьезный фактор, дестабилизирующий социум в XX в. Политика — это всего лишь одна из сфер общественной жизни, которой должны заниматься профессионалы. Вовлечение в политику широких масс, с точки зрения консерваторов, приводит к падению авторитета власти, беспорядкам, насилию. Массы в политике некомпетентны, безответственны и поэтому их «деятельность сводится к тому, чтобы как-то увертываться от поминутных осложнений и конфликтов; проблемы не разрешаются, а лишь откладываются со дня на день любыми средствами, даже с тем риском, что они скопятся и вызовут грозный конфликт»³.

Будучи сторонниками элитарной демократии, консерваторы считают, что лучшей формой защиты демократии от «некомпетентного плебса» является передача власти правящей элите в духе устоявшихся традиций парламентской демократии. Обычный гражданин лишь в установленном законом порядке выражает свое мнение по определенному вопросу в определенный день (выборы, референдум), а затем возвращается к своим житейским проблемам, которые гораздо важнее не только потому, что решение их жизненно важно для индивида, но и потому, что их решение необходимо для всего общества. На основе этого взаимодействия возникает социальная саморегуляция, которая и является фундаментом поступательного развития общества. Чрезмерно политизированное общество несет в себе заряд собственной гибели, или, как отмечает французский политолог Мишель Дебрэ, «...государство, нация, где каждый день большинство граждан обсуждают проблемы политики, близки к разрушению»⁴.

Государственно-властные механизмы политических режимов также по-разному реагируют на политический индифферентизм. В тоталитарном режиме политическая индифферентность рассматривается на уровне антигосударственного преступления. Любовь к властям, вождю, государству должна быть выражена активно, публично, эмоционально окрашена верноподданическими настроениями. Тоталитарный режим держится не только мощным карательным аппаратом, но и культом власти, ее сакрализацией, культом вождя — своеобразной формой светского религиозного сознания. Поэтому политический индифферентизм опасен для тоталитарного режима.

Авторитарный режим, руководствующийся во многом принципом «Разрешено все, кроме политики», предпочитает иметь дело с политическими конформистами, на худой конец с политически индифферентными гражданами, лишь бы не лезли в политику, или, как выразился в свое время академик Л. Абалкин, «не мешали работать».

Либерально-демократические режимы относятся к политическому индифферентизму граждан как к неизбежному явлению в политическом процессе, но пытаются управлять его колебаниями. В одних ситуациях — предвыборная кампания — снизить уровень индифферентности, поднять политическую активность, уменьшить число избирателей, зараженных политической апатией. В других ситуациях, наоборот, увеличить социальную группу индифферентных. Для либерально-демократических режимов важна динамика политической индифферентности граждан. Ее нарастание является тревожным симптомом ослабления демократического потенциала политической системы, признаком политического регресса. В любом случае позиция политически индифферентных граждан должна так же учитываться, как и волеизъявление голосующих и проявляющих политическую активность в других формах. Как отмечает в своем исследовании П. Ленэн, «правлящие элиты любого толка понимают, что ничего нельзя делать без индифферентных или против них»⁵. Их позиция во многом выступает стабилизирующим фактором в политической системе. Однако стабилизирующая роль политически индифферентных в либерально-демократических режимах проявляется лишь до того момента, пока политическое равнодушие не охватило подавляющего большинства граждан.

Проблема политического индифферентизма представляется непростой и для демократического режима. На первый взгляд, демократии как власти народа, осуществляемой самим народом и для народа, должна быть присуща высокая политическая активность граждан и чужд индифферентизм. Но уже Ж.-Ж. Руссо обратил внимание на то, что самые демократические процедуры даже на уровне прямой демократии чреваты искажением воли народа. При подлинно демократическом режиме никакой закон неправомерен, если он не может трактоваться как вытекающий из народного решения. Но само народное решение есть лишь выражение воли большинства. Восторгствует ли в этом большинстве компетентность и разум или верх возьмут предрассудки и неукротимые эмоции? Не произойдет ли искажение воли личности в большинстве? А может быть, политическая логика именно меньшинства соответствует логике экономического развития и социальному прогрессу? Проблема политического большинства и его взаимоотношения с оппозиционным меньшинством — одна из серьезнейших проблем функционирования демократического режима. Очень важно не деперсонализировать личность в большинстве и учесть волю меньшинства. Иначе меньшинство может довольно быстро потерять интерес к политическому процессу.

Кроме того, демократическому режиму всегда угрожает опасность конформистской деформации народовластия либо перерождения демократии в охлократию. Поэтому несовершенство самой демократической процедуры, ошибочность принятых волей большинства решений могут породить рост недоверия к власти и нарастание политической индифферентности масс. Это касается не только крупных решений, связанных с формами собственности, социальными программами, политическим строем, но и решений иного уровня, отражающих ментальность нации, гражданского общества в целом. Мнение большинства часто имеет ситуационно-временный характер,

поэтому без учета позиции меньшинства невозможно репрезентировать народную волю во всей ее конкретности и целостности. Важнейшей гарантией от политического индифферентизма таким образом становится правовая защита меньшинства как нормативная основа граждански-публицистической активности личности.

Многие философы, социологи, правоведы давно обратили внимание и на то, что демократия как «система свободы и свободной игры жизненных интересов и сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей» может «утомить» людей и не удовлетворять их более. Такая ситуация особенно характерна для периодов, когда в обществе долгожданное ожидание демократии сталкивается с реальной сложностью перехода к демократическому правлению и еще большей сложностью функционирования самого демократического процесса. «Своими широчайшими перспективами и возможностями, — пишет П. И. Новгородцев, — демократия как будто бы вызвала ожидания, которых она не в силах удовлетворить. А своим духом терпимости и приятия всех мнений, всех путей она открыла простор и для таких направлений, которые стремятся ее ниспровергнуть. Она не могла быть иною, ибо в этом ее природа, ее преимущество. Но этой своей природой и этим своим преимуществом она могла удовлетворить лишь некоторых, а не всех»⁶.

Экономический, социальный, политический индифферентизм взаимосвязаны, что хорошо просматривается на маргинальных слоях. Получая социальные пособия либо минимальную, но гарантированную зарплату, эти слои пробуждаются к социальному действию только тогда, когда возникает прямая угроза уменьшения социальной помощи или появляется возможность улучшить свое положение путем давления на власть. Это касается и тех работников, которые получают зарплату не по труду, а по нужде. Угроза потерять гарантию труда и уравнительной оплаты делает просительное, петиционное сознание чрезвычайно агрессивным и, сохраняя свою экономическую пассивность, дисквалифицированную, по сути, рабочая сила делает рывок в политику, требуя от государства-работодателя все новых и новых гарантий своей социальной стабильности.

Редистрибутивная модель сословной стратификации создает человека пассивного как экономически, так и политически. Сознательное и бессознательное включение такого человека в политику происходит под угрозой потери устоявшихся гарантий. Включаясь в политику, он привносит в нее «консервативный синдром» и «психологию социальной инерции». Переход от редистрибутивной модели социальной стратификации к производственно-экономическому процессу классовообразования чреват избавлением от политического инфантилизма различных социальных слоев и серьезными политическими потрясениями. «Социальные винтики», включаясь в политический процесс, вновь и вновь искажают сущность социально-экономических преобразований, насыщают новые политические структуры своим мировоззрением. Направить в демократическое русло эту политическую стихию сложно, но направление движения очевидно — преодоление системы несвободы, выработка массового демократического сознания.

Когда демократическое сознание становится частью мира человека, тогда даже политический инфантилизм проявляется иначе. Для человека самоценными становятся демократические нормы частного и гражданского права. В такой ситуации во многом политически индифферентные граждане вынуждают правительство, парламент и даже оппозиционные политические силы придерживаться линии, освященной демократической традицией, и формируют политическое пространство доверия к власти.

¹ Карлейль Т. История Французской революции. М., 1991. С. 474.

² Милль Дж. Ст. Утилитаризм. О свободе. СПб., 1882. С. 274.

³ Ортега-и-Гассет Х. // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 135.

⁴ Manuel de la science politique. Paris, 1978. P. 14.

⁵ Лэнэн П. // Зарубежная политическая наука: история и современность. М., 1990. Вып. 3. С. 234.

⁶ Новгородцев П. И. // Об общественном идеале. М., 1991. С. 553—554.